

УДК 008

**КУЛЬТУРОЦЕНТРИЧНОСТЬ ЭСТЕТИКИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЬИ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ»)**

Астахов Олег Юрьевич, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению вопросов связи культуры и эстетики русского символизма по материалам работы Андрея Белого «Проблема культуры».

Ключевые слова: эстетика символизма, культуроцентризм, творчество, жизнестроительство, теургия.

**CULTURAL CENTRISM OF AESTHETICS OF THE RUSSIAN
SYMBOLISM OF THE LATE XIX – EARLY XXTH CENTURIES
(ON THE ARTICLE OF ANDREI BELY “A PROBLEM OF CULTURE”)**

Astakhov Oleg Yurievich, Candidate of Culturology, Docent of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

The paper presents an analysis of the work of Andrei Bely “A Problem of Culture” from the book “Symbolism”, in which the author seeks a definition of the Russian symbolism of the early XXth century in the context of cultural knowledge. According to him, the problem of European symbolism is the inability to overcome boundaries of the art school with the usual orientation for its aesthetics and pure forms of stylization.

The author identifies a number of principles of symbolic art, contributing to it going beyond aesthetics, opening the opportunities for the creative transformation of the world. Representations thinker about theurgic essence of true art associated with the opening of the idea of creativity as an ongoing creation of the world of man, together with God, followed by contacting the author to issues of culture, it becomes a clear indication of his culture-centric in understanding the creativity.

Andrei Bely said about the possibility of overcoming the speculative schemes through creativity, promoting the communication with life, and more contributing to its transformation in the theurgic act of creation of the world that expresses the true content of culture. In turn, the aesthetics of symbolism as a bridge, opening these features through the special construction of the symbolic form of art, focused on constant search of life in all its versatility.

Keywords: aesthetics symbolism, culture-, creativity, life-building, theurgy.

Вопросы культурологии русского символизма явились предметом исследования в современной отечественной гуманитаристике в связи с необходимостью определения культурных форм развития литературы и искусства конца XIX – начала XX века, преодолевающих границы эстетических новообразований. Развитие идей русского символизма происходило в контексте актуализации интереса к вопросам культуры в трудах европейских эволюционистов, неокантианцев и русских мыслителей. Единственность этого процесса свидетельствует о том, что определение места науки о культуре в системе социогуманитарного знания было исторически необходимо.

Андрей Белый, один из основоположников культурософии отечественного символизма, неизменно стремился к обозначению символизма в горизонте культурологического знания, преодолевающего ориентированность на художественные новообразования. По его мнению, проблема европейского символизма заключалась в невозможности преодоления границ школы искусства со свойственной для нее ориентированностью на эстетику и чистые формы стилизации. «И потому-то символическое течение современности, если оно желает развития и углубления, не может остаться замкнутой школой искусства, – отмечает Андрей Белый в работе «Проблема культуры», открывающей цикл статей в книге «Символизм», – оно должно связать себя с более общими проблемами культуры; переоценка эстетических ценностей есть лишь частный случай более общей работы, переоценки философских, этических, религиозных ценностей европейской культуры; назревающий интерес к проблемам культуры по-новому, сравнительно с недавним прошлым, выдвигает смысл красоты, и обратно – теоретик искусства, даже художник, необходимо включает в поле своих интересов проблемы культуры; а это включение неожиданно связывает интересы искусства с философией, религией, этической проблемой, даже с наукой» [5, с. 22].

Примером конкретизации связи искусства с наукой для Андрея Белого явился импрессионизм, что отмечается им в комментариях к очеркам из книги «Символизм». Автор отмечает необходимость установления связи тенденций, наблюдаемых в теоретической философии с ее

установкой на теорию знания, и в живописи, ориентированной на освобождение от психологического содержания; «философа интересовали только формы “всеобщего”, художника интересовала задача подчеркнуть в природе и в человеке лишь общие контуры» [5, с. 24]. Именно такая связь существует между современным искусством и наукой, что демонстрирует импрессионизм, который учил смотреть на мир по-новому. Например, Клод Моне, особенно в своих пейзажах, сознательно отказывался от чистых локальных тонов, что актуализировало связь открытий и в области оптики, и философии в целом, ориентированной на преодоление знакомых и повторяющихся идей.

Не случайно в этом отношении импрессионизм рассматривался как предвестник нового мифопоэтического искусства. Воплощению художественного мифа со свойственным для него космологизмом и одновременно антропологизмом в символизме начала XX века предшествовало развитие импрессионистической образности и не только в живописи, но и в музыке, литературе и др. [3]. Таким образом эстетика импрессионизма способствовала преодолению развития символизма в рамках школы.

Как справедливо отмечает А. Малафеев: «Белый видит особенность русского символизма в постановке и попытке осуществления широких культурных задач» [2 с. 141]. Именно культура выступает местом сосредоточения жизненно важных вопросов, способных актуализировать и искусство, и науку, это становится центральным пунктом в рассуждениях А. Белого: «В настоящее время в ряде течений теоретической мысли переносится центр тяжести на вопросы культуры; то же отчасти происходит в истории философии и в философии истории; то же мы можем наблюдать в области искусства; культура оказывается местом пересечения и встречи вчера еще отдельных течений мысли; эстетика здесь встречается с философией, история с этнографией, религия сталкивается с общественностью; вырастает потребность точнее определить, что такое культура; до настоящего времени, сталкиваясь с проблемой культуры в обиходе нашей мысли, мы сталкивались с чем-то самоочевидным, не поддающимся определению; более пристальный взгляд на вопросы культуры превратил самую культуру

в вопрос; разрешение этого вопроса не может не внести переоценки в постановку вопросов философии, искусства, истории и религии» [5 с. 18].

Обращаясь к понятию культура, автор отмечает не только его многогранность и необходимость комплексного изучения, но и в широком смысле определяет его как особое, целостное, знание. Фактически речь идет о цельном знании, представленном в философии В. Соловьева, последователем которого и можно считать Андрея Белого. В связи с этим следует отличать цельное знание от знания как упорядочения представлений действительности, которое формирует и научную гносеологию. Знание в культуре необходимо рассматривать через внутренний переживаемый опыт, который формирует ценностные отношения, поэтому автор отмечает важность личностного развития. Почему невозможно определение культуры через прогресс? Потому что этот переход от однородного к разнородному, от единства к многообразию является механическим, безличным, лишенным ценностного содержания. А ценность является ключевым понятием для определения культуры, без которого невозможно понимание индивидуальности и творчества, выступающих ядром культурной жизни.

А. Белый пишет, что «скорее культура определима как деятельность сохранения и роста жизненных сил личности и расы путем развития этих сил в творческом преобразовании действительности; начало культуры поэтому коренится в росте индивидуальности; ее продолжение – в индивидуальном росте суммы личностей, объединенных расовыми особенностями; продукты культуры – многообразии религиозных, эстетических познавательных и этических форм; связующее начало этих форм – творческая деятельность отдельных личностей, образующих расу: эта деятельность берется как самоцель, то есть не поддается нормированию...» [5, с. 20]. Подлинная культура – это обращение к творчеству, но при этом должен осуществиться отказ от ее благополучных «усредненных форм», ориентированных на прагматизм, завершающий возможность творческого развития. В отношении А. Белого исследователи считают, что «культ культуры осмысливается им как трагический акт забвения ее конечных целей» [2, с. 142]. Парадокс ситуации заключается в том,

что, с одной стороны, Андрей Белый заявляет о «культурной вневечности», то есть видении себя посреди круга совершенно разных, но одинаково самобытных культурных миров, и только в этом случае возможно преодоление завершенных форм, представляющих собой «систематику каталогов музейных реликвий культуры» [4, с. 278]. И, с другой стороны, автор одновременно констатирует необходимость видения культуры не через закрепление ее единичных памятников, а через утверждение жизни в ее созидательных возможностях. Соответственно, рассматривая в этом ключе символизм, он актуализирует в контексте соловьевской идеи теургии жизнестроительные задачи искусства, получившие свое развитие в XX веке [6].

В качестве предпосылки для формирования жизнестроительных ориентиров художественных практик Андрей Белый рассматривает творчество Ницше, Ибсена, Бодлера, а позднее в отечественной традиции – Мережковского, В. Иванова, Брюсова. Автор выделяет ряд принципов символического искусства, способствующих его выходу за рамки эстетики, открывающих возможности творческого преобразования мира:

– «символизм подчеркивает примат творчества над познанием, возможность в художественном творчестве преобразовать образы действительности» [5, с. 22];

– «символизм подчеркивает значение формы художественных произведений, в которой уже сам по себе отображается пафос творчества» [5, с. 22];

– «символизм поэтому подчеркивает культурный смысл в изучении стиля, ритма, словесной инструментовки памятников поэзии и литературы» [5, с. 22].

Подобного рода установки открывают возможности теургического действия, связанного с преобразованием мира. Жизнепреобразующую, жизнетворческую, жизнестроительную миссию искусства Андрей Белый утверждает неуклонно и постоянно. И это связано с ощущением автора ситуации кризиса внутреннего развития человека как личности, что отмечает в своем исследовании И. А. Азизян «Диалог искусств Серебряного века», его расколотостью, противоречивостью, отсутствием цельности, гармоничности и ритмич-

ностью, присущей человеку прежде, а ныне разбитому «многообразием форм жизни» [1, с. 63]. Вследствие чего Андрей Белый приходит к мысли о необходимости обращения к богоподобному образу человека (богочеловеку, сверхчеловеку). В частности, он пишет: «Поэтому правы законодатели символизма, указывая на то, что последняя цель искусства – пересоздание жизни; недосказанным лозунгом этого утверждения является лозунг: искусство – не только искусство; в искусстве скрыта произвольно религиозная сущность» [5, с. 23]. Представления мыслителя о теургичной сущности подлинного искусства, связанного с открытием идеи творчества как продолжающегося творения мира человека совместно с Богом, несомненно перекликаются с бердяевским принципом «антроподицеи» – оправдании человека в творчестве и через творчество.

Логика подобных суждений продолжается при обращении автора к проблемам культуры, что становится ярким свидетельством его куль-

туроцентричности в понимании творчества. Андрей Белый считает, «последняя цель культуры – пересоздание человечества; в этой последней цели встречается культура с последними целями искусства и морали; культура превращает теоретические проблемы в проблемы практические; она заставляет рассматривать продукты человеческого прогресса как ценности; самую жизнь превращает она в материал, из которого творчество куёт ценность» [5, с. 23]. Таким образом Андрей Белый заявляет о возможности преодоления умозрительных схем через творчество, способствующее установлению связи с жизнью, и более того – способствующее ее преобразению в теургическом акте творения мира, что выражает подлинное содержание развития культуры. В свою очередь эстетика символизма выступает в роли моста, открывающего эти возможности через особое построение символических художественных форм, ориентированных на постоянство поиска развития жизни во всей ее универсальности.

Литература

1. Азизян И. А. Диалог искусств Серебряного века. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
2. Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX века). – М.: ОГИ, 2000 – 344 с.
3. Астахов О. Ю. Эстетика импрессионизма в поэзии русских символистов (В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, И. Ф. Анненский). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 122 с.
4. Белый А. Кризис культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – С. 260–296.
5. Белый А. Проблемы культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – С. 18–25.
6. Горбова Е. Н., Астахов О. Ю. Идеи жизнестроительства русского авангарда в эстетике проекта «прозодежды» начала XX века // Вест. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 3-1. – С. 52–55.

References

1. Azizyan I.A. Dialog iskusstv Serebryanogo veka [Arts Dialogue of the Silver Age]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 400 p. (In Russ.)
2. Asoyan Yu., Malafeev A. Otkrytie idei kul'tury. (Opyt russkoy kul'turologii serediny XIX – nachala XX veka) [Opening of the idea of culture. (Russian Experience Cultural Studies mid-XIX – early XX centuries)]. Moscow, OGI Publ., 2000. 344 p. (In Russ.)
3. Astakhov O.Yu. Estetika impressionizma v poezii russkikh simbolistov (V.Ya. Bryusov, K.D. Bal'mont, I.F. Annenskiy) [Aesthetics of Impressionism in Russian Symbolist poetry (V.Y. Bryusov, K.D. Balmont, I.F. Annensky)]. Kem-erovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. 122 p. (In Russ.)
4. Belyy A. Krizis kul'tury [Cultural crisis]. *Belyy A. Simvolizm kak miroponimanie [Symbolism as outlook]*. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 260–296. (In Russ.)
5. Belyy A. Problemy kul'tury [Problems of Culture]. *Belyy A. Simvolizm kak miroponimanie [Symbolism as outlook]*. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 18–25. (In Russ.)
6. Gorbova E.N., Astakhov O.Yu. Idei zhiznestroitel'stva russkogo avangarda v estetike proekta “prozodezhdy” nachala XX veka [Life-building Ideas of the Russian avant-garde in the aesthetics of the “overalls” of the early XX century]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2012, no 3–1, pp. 52–55. (In Russ.)